

Сообщеніе А. В. Пастухова объ его восшествіи на Казбекъ 29-го іюля *).

«Въ нынѣшнемъ году я былъ командированъ для производства топографической съемки въ горную Осетию, по рѣкамъ Геналь-дону, Кобань-дону и Фиагъ-дону. Въ концѣ іюля я работалъ у сѣверныхъ склоновъ Казбека, по рѣкѣ Геналь-дону. Давно уже я имѣлъ намѣреніе побывать на вершинѣ Казбека. Въ данное время намѣреніе это можно было осуществить. 26-го іюля я отправился съ пятью казаками къ горячимъ источникамъ Тмени-кау-карма-донъ, находящимся у ледника Майли, спускающагося съ западныхъ склоновъ Казбека. Отправились мы изъ селенія Тмени-кау въ 6 час. утра и прибыли на мѣсто въ 8¹/₂ часовъ. Дорога отъ селенія до источниковъ идетъ по лѣвой сторонѣ Геналь-дона; сначала она проходитъ на значительной высотѣ надъ рѣкою, затѣмъ переходитъ на русло рѣки и далѣе опять поднимается вверхъ. Тропы на руслѣ нѣтъ, а приходится ѣхать по самому руслу, среди цѣлой массы нагроможденныхъ камней. Въ общемъ дорога весьма плохая. Чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ источникамъ, тѣмъ растительность становится бѣднѣе, но вдали, на нѣкоторой высотѣ отъ источниковъ, на склонахъ горъ имѣются довольно хорошія пастбищныя мѣста, на которыхъ и пасутся водящіеся здѣсь въ значительномъ количествѣ туры. Одинъ изъ людей, бывшихъ со мною при восхожденіи, житель сел. Тмени-кау, Тепсарко Цараховъ, рассказывалъ, что онъ однажды накосилъ на этихъ пастбищахъ пять копенъ сѣна и оставилъ его въ полѣ. Туры въ нѣсколько ночей все это сѣно поѣли. Зимой, во время глубокаго снѣга, они, отыскивая себѣ кормъ, доходятъ нерѣдко до самыхъ селеній.

Прибывъ на горячіе источники, я занялся собираніемъ о нихъ различныхъ свѣдѣній, и вотъ что удалось мнѣ узнать. Источники эти открыты 26 лѣтъ тому назадъ. Въ то время они находились среди ледника и тѣмъ только обнаруживали свое присутствіе, что изъ протаявшаго въ ледникѣ отверстія выходилъ паръ. Черезъ восемь лѣтъ послѣ ихъ открытія ледникъ оттаялъ настолько, что эти источники, числомъ два, сдѣлались доступными. Третій-же и теперь находится подъ ледникомъ. Съ тѣхъ поръ туземцы, пріѣзжа-

*) Читано 13 декабря.

TT

ющіе иногда издалека, пользуются ими какъ лѣчебнымъ средствомъ. Лѣчатся здѣсь преимущественно отъ золотухи, ревматизма и желудочныхъ болей. 31-го іюля, въ 6¹/₂ час. утра, я дѣлалъ наблюденія надъ температурой источниковъ. Оказалось, что температура воздуха у верхняго источника +6° Р., температура воды источника +42° Р. Отъ источника до ванны вода проходитъ 15 сажень, частью по землѣ, частью-же по деревянному желобу. Въ помѣщеніи ванны, въ которой три стѣны сдѣланы изъ камня, а четвертая изъ грунта, температура воздуха +14° Р. Температура-же воды тутъ +35° Р. Прибыль воды, не измѣняющаяся ни отъ времени года, ни отъ дождей, 4 ведра въ минуту. Въ то-же утро, въ 8 час. 45 мин., я измѣрилъ температуру другого источника; тутъ температура воды была +42° Р., температура воздуха надъ источникомъ на солнцѣ +10° Р., температура воздуха въ помѣщеніи нижней ванны +15° Р. и температура воды въ ваннѣ +36¹/₂° Р. Прибыль воды 1¹/₂ ведра въ минуту. Каждый день лѣтомъ съ ранняго утра въ ваннахъ начинаютъ купаться больные, которыхъ въ лѣто перебываетъ отъ 300 до 400 человѣкъ. Купанье производится такимъ образомъ: купающійся сидитъ въ ваннѣ 5—7 минутъ, затѣмъ выходитъ, укутывается буркой и сидитъ тутъ-же въ помѣщеніи ванны минутъ 10, послѣ этого опять погружается въ ванну, въ которой находится также до 7 минутъ, повторяя это раза три-четыре. Наконецъ, купающійся одѣвается въ шубу и бурку, закутываетъ голову башлыкомъ и выходитъ на воздухъ, нерѣдко босымъ и въ такомъ видѣ отправляется къ себѣ въ землянку, гдѣ онъ живетъ во время леченія. Многіе тутъ-же простуживаются и заболѣваютъ воспаленіемъ легкихъ. Насколько мнѣ удалось узнать изъ распросовъ больныхъ, воды источниковъ весьма цѣлительны, хотя это и требуетъ подтвержденія. Воду источниковъ очень любятъ пить туры, и даже нерѣдко, не стѣсняясь присутствіемъ людей, приходятъ по ночамъ къ источникамъ и пьютъ воду. Пьютъ эту воду также и многія птицы, хотя для одной породы этихъ птицъ она оказывается смертельнымъ ядомъ. Осматривая эти источники въ мое вторичное путешествіе, вечеромъ 7-го октября, я ничего около нихъ не видѣлъ, утромъ-же на другой день нашелъ около одного изъ нихъ 12 штукъ маленькихъ птичекъ, породу которыхъ мнѣ еще не удалось опредѣлить. Эти мертвыя птицы служатъ, между прочимъ, лакомымъ блюдомъ для лисицъ.

Въ 15-ти саженяхъ отъ этихъ источниковъ начинается одинъ

изъ величайшихъ ледниковъ на Кавказѣ—Майли. Лѣтъ 60 тому назадъ ледникъ этотъ простирался на 2 версты ниже теперешняго его конца. Затѣмъ, въ теченіе пяти лѣтъ, онъ настолько оттаялъ, что конецъ его очутился почти около горячихъ источниковъ. Въ августѣ мѣсяцѣ 1834 г. онъ двинулся внизъ и съ страшнымъ шумомъ и трескомъ продолжалъ свое движеніе до марта мѣсяца слѣдующаго года. За это время онъ спустился болѣе чѣмъ на $1\frac{1}{2}$ версты внизъ. Ранѣе на поверхности этого ледника находился огромный камень, около котораго охотники наблюдали туровъ, но во время движенія ледника камень этотъ подпрыгнувъ съ такою силой, что потомъ отлетѣлъ на 20-ть саж. отъ прежняго своего мѣста. Затѣмъ онъ былъ унесенъ ледникомъ внизъ и втиснутъ въ наносный грунтъ ущелья Геналь-дона, гдѣ онъ находится и теперь, на высотѣ отъ уровня рѣки приблизительно на 70—80 саж.; послѣ этого, черезъ разные промежутки времени, двигался еще пять разъ и каждый разъ проходилъ все меньшій и меньшій путь. Наконецъ, въ послѣдній разъ, 9 лѣтъ тому назадъ, онъ прошелъ только 50 сажень.

27-го іюля, въ три часа пополудни, я, въ сопровожденіи двухъ казаковъ—Лапкина и Потапова и осетина Царахова, подвязавъ къ ногамъ стальные кошки и вооружившись палками съ стальными наконечниками, отправился въ путь. Провизіи мы имѣли съ собой на 2 дня, такъ какъ я былъ увѣренъ, что путешествіе наше продолжится не болѣе этого времени. Погода въ этотъ день была тихая и ясная. Сначала путь нашъ лежалъ чрезъ ледникъ. Вслѣдствіе ясной и теплой погоды, ледникъ въ этотъ день особенно таялъ. По леднику мы прошли съ сѣвера на югъ полторы версты. На этомъ разстояніи намъ пришлось встрѣтить въ ледникѣ очень много глубокихъ трещинъ, которыя мы перепрыгивали, нѣкоторыя-же, болѣе широкія, обходили. Въ инныя трещины приходилось спускаться, идти нѣкоторое разстояніе по ихъ дну и снова карабкаться наверхъ. Пройдя $1\frac{1}{2}$ версты, мы повернули на востокъ и начали подниматься по недавно упавшему снѣговому обвалу. Дойдя до его середины, я провалился въ трещину, и, благодаря только тому, что несъ съ собою въ горизонтальномъ положеніи длинный шестъ для флага, мнѣ не пришлось полетѣть на дно этой трещины. Шедшій за мною осетинъ взялъ немного вѣлво и тоже провалился. Тогда я, испробовавъ крѣпость краевъ этой трещины, велѣлъ казакамъ прыгать чрезъ нее, что они и совершили

благополучно. Чтобы не подвергать себя новой опасности провалиться въ трещину, мы вышли на скалы и по нимъ продолжали свой путь. Тутъ приходилось наткаться на совершенно отвѣсные обрывы, которые мы обходили, и, наконецъ, въ 6 часовъ пополудни достигли одной скалы, которая представила собой всё удобства для ночлега. Здѣсь я и рѣшилъ переночевать. Не успѣли мы устроиться, какъ снизу изъ ущелья подулъ вѣтеръ, пахнуло сыростью и хлынулъ неудержимыми волнами туманъ. Въ одну минуту онъ закрылъ всю величественную картину снѣговыхъ горъ, и я увидѣлъ теперь передъ собой только пріютившую насъ скалу и угрюмая лица моихъ спутниковъ. Не дожидаясь сумерокъ, мы улеглись спать. Въ 6 ч. вечера термометръ показывалъ $+3,5$ Р., въ $7\frac{1}{2}$ час. $+3$ Р. Проснувшись ночью, я замѣтилъ, что туманъ спустился внизъ и сгустился на днѣ ущелья. Это мнѣ подало надежду, что на другой день погода будетъ ясная, что и оправдалось. Утромъ, въ $5\frac{1}{2}$ часовъ, термометръ показывалъ $-0,5$ Р. и камни всё были покрыты инеемъ. Оставивъ здѣсь бурки и немного провизіи, мы отправились въ дальнѣйшій путь. По обледенѣлому щебню путь былъ весьма тяжелъ. Пройдя нѣкоторое разстояніе, мы наткнулись на полосу крѣпчайшаго льда, при покатости болѣе 60° . Чтобы пересѣчь ее, намъ пришлось вырубить болѣе 200 ступеней. Затѣмъ мы снова выбрались на скалы, въ концѣ которыхъ опять должны были пройти такую-же полосу льда, гдѣ вырубили 116 ступеней. Далѣе путь пошелъ по скаламъ. Въ 10 час. утра мы позавтракали и снова тронулись въ путь.

Пройдя саженой сто, одинъ изъ моихъ спутниковъ, казакъ Погаповъ, почувствовалъ тошноту и сильное головокруженіе, что и заставило меня оставить его на этомъ мѣстѣ; тутъ-же мы оставили провизію и лишнюю одежду и налегкахъ продолжали свой путь. Въ двѣнадцать часовъ мы достигли фирноваго поля, начинающагося на высотѣ 13664 футовъ и занимающаго пространство около 6-ти квадратныхъ верстъ. Увидѣвъ передъ собой такую равнину, находившійся при мнѣ казакъ не могъ удержаться отъ восклицанія и сказалъ: «Вотъ еслибы здѣсь построить станицу и вататься на саняхъ!» По фирновому полю мы пошли довольно быстро, несмотря на то, что оттаявшій фирнъ представлялъ собою сыпучую массу, въ которую погружались наши ноги по самое колѣно, и мы брели по немъ, какъ по водѣ. Здѣсь начала томить насъ жажда, которая, по мѣрѣ движенія впередъ, все усиливалась и усиливалась и, наконецъ, нестерпимо стала мучить насъ. Воды кругомъ нигдѣ не было,

и мы, чтобы утолить хоть сколько-нибудь томившую нас жажду, стали глотать ледъ, но отъ этого жажда нисколько не уменьшалась, а, какъ-будто, даже увеличивалась. Остановившись немного отдохнуть и прислушиваясь, не шумитъ-ли гдѣ-нибудь вода, я вдругъ, къ общей нашей радости, услышалъ вправо отъ себя тихое журчаніе.

Я сейчасъ-же пошелъ по направленію доносившагося до меня шума, но не успѣлъ я сдѣлать и десяти шаговъ, какъ вдругъ, будто-бы ступивъ съ высоты на воздухъ, провалился въ замаскированную трещину, и опять былъ обязанъ своимъ спасеніемъ находившемуся у меня въ рукахъ шесту. Употребивъ страшное усиліе, я выскочилъ изъ трещины, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, остановился и посмотрѣлъ назадъ; въ это время фирнъ сыпался массой съ обѣихъ сторонъ, края трещины обваливались и она дѣлалась все шире и шире, и черезъ какихъ-нибудь двѣ минуты на ея мѣстѣ зіяла бездонная пропасть, которой я невольно залюбовался. Но это продолжалось недолго—томившая меня жажда напомнила мнѣ о водѣ, и я снова сталъ прислушиваться и осматриваться кругомъ, и опять услышалъ тоже журчаніе, на этотъ разъ довольно близко. Присмотрѣвшись по направленію, откуда доносился до меня шумъ, я замѣтилъ, что онъ былъ вовсе не отъ воды—это катились потревоженные вѣтромъ мелкія льдинки по обледенѣлому-же снѣгу. Убѣдившись, что воды нигдѣ нѣтъ, я объявилъ это и моимъ спутникамъ, и мы снова, глотая ледъ, продолжали свой путь. Черезъ полчаса послѣ этого я сталъ чувствовать тошноту; когда я сообщилъ объ этомъ моимъ спутникамъ, то услышалъ, что и они испытываютъ то-же самое; ко всему этому прибавилось еще новое несчастье: я замѣтилъ надвигающійся съ юга туманъ, который то всплывалъ надъ хребтомъ, то снова прятался, какъ-бы силясь перевалить черезъ него. Вдругъ онъ заколыхался, поднялся надъ хребтомъ и неудержимо повалилъ на окружавшую насъ снѣговую равнину. Туманъ былъ настолько густой, что въ десяти шагахъ ничего не было видно, и такой холодный, что одежда наша стала покрываться инеемъ. Въ это время мы поднимались на небольшой хребтикъ, проходящій по фирновому полю съ юга на сѣверъ; переваливъ черезъ него, мы снова очутились среди равнины, гдѣ не было ничего, чѣмъ-бы ориентироваться, и мы шли наугадъ. Тошнота, между тѣмъ, все усиливалась и, наконецъ, дошла у меня до того, что я принужденъ былъ остановиться; я легъ на снѣгъ и

вскорѣ заснулъ. Но когда черезъ полчаса отъ холода проснулся, то замѣтилъ, что тошнота еще увеличилась; дѣлая надъ собою страшное усиліе, я снова двинулся въ путь. Но чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ тошнота у всѣхъ насъ усиливалась и, наконецъ, я не выдержалъ и..... Послѣ этого, посмотрѣвъ на часы, я увидѣлъ, что идти дальше уже поздно, такъ какъ было 3¹/₂ час. пополудни; я рѣшилъ вернуться назадъ, отыскать удобное мѣсто для ночлега и тамъ переночевать. Въ сѣверо-западномъ углу фирноваго поля, на высотѣ 13664 футовъ, мы встрѣтили небольшую площадку, покрытую мелкимъ щебнемъ глинистаго сланца; это было единственное мѣсто, свободное отъ снѣга, тутъ я и остался почевать. Пославъ казака внизъ за оставленнымъ спутникомъ и за вещами, я съ осетиномъ расчистилъ щебень, собралъ болѣе крупные камни и сложилъ изъ нихъ ограду фута въ 2 высоты, чтобы хоть сколько-нибудь защитить себя отъ подувшаго довольно холоднаго вѣтра. По окончаніи работы, я подошелъ къ краю площадки, откуда мнѣ было видно то мѣсто, гдѣ мы оставили своего спутника. Какъ разъ въ это время посланный казакъ дошелъ туда. Встрѣтившись со своимъ товарищемъ и поговоривъ немного, онъ спрятался съ нимъ за скалу. Минуть черезъ десять они снова вышли изъ-за скалы, и одинъ изъ нихъ началъ кричать; я откликнулся; тогда онъ объявилъ мнѣ, что «хлѣба осталось только на два раза укусить», и спросилъ, идти-ли навверхъ; получивъ отъ меня утвердительный отвѣтъ, онъ сталъ подниматься. Когда онъ достигъ до насъ, то объявилъ мнѣ, что казакъ Потаповъ подняться не можетъ, такъ какъ чувствуетъ головокруженіе и тошноту, и просить позволенія вернуться назадъ; при этомъ онъ показалъ остатокъ провизіи, который состоялъ изъ половины пятикопеечной булки.

Я разрѣшилъ Потапову вернуться назадъ; затѣмъ, не дожидая сумерокъ, мы легли спать и вслѣдствіе сильной усталости скоро заснули,—но недолго намъ пришлось спать. Наступившая ночь принесла съ собою холодъ. Когда я проснулся, то замѣтилъ, что укутывавшій вершину Казбека и ползавшій кое-гдѣ по фирновому полю туманъ, совершенно разсѣялся. Надъ нами было темносинее, почти черное небо, усыянное звѣздами. Изъ-за вершины Казбека тихо всплывала луна, обливая своимъ свѣтомъ серебряную поверхность снѣговъ. Тишина была невозмутимая; но иногда среди этой тишины раздавался страшный трескъ льда и, повторившись стоголоснымъ эхомъ, тихо замиралъ гдѣ-нибудь въ отдаленномъ ущельи.

Побѣгавъ немного по площадкѣ и нѣсколько согрѣвшись, мы рѣшили опять лечь; при этомъ я объявилъ моимъ спутникамъ, что будемъ ложиться въ середину по очереди. Ложившійся въ середину засыпалъ моментально, такъ какъ ему было тепло, но за то крайніе не могли долго выдерживать холода и вскорѣ принуждены были вставать, а вслѣдъ за ними вставалъ и средній; и опять начиналась бѣготня по площадкѣ до тѣхъ поръ, пока не согрѣвались, потомъ опять ложились, и снова холодъ заставлялъ вставать. Такъ продолжалось всю ночь, во время которой морозъ крѣпчалъ и крѣпчалъ, и, наконецъ, когда на разсвѣтѣ я посмотрѣлъ на термометръ, то онъ показывалъ $-9\frac{1}{2}^{\circ}$ Р. Одежда на насъ была покрыта инеемъ. Мы такъ озооченѣли отъ холода, что не могли двинуться въ путь; но, употребивъ крайнія усилія, кое-какъ выбрались на вершину, закрывавшую отъ насъ солнце, и тутъ мы просидѣли около двухъ часовъ, отогрѣваясь, и только послѣ этого двинулись въ путь. Вскорѣ насъ опять начала томить жажда, и мы снова стали глотать ледъ, но на этотъ разъ тошноты уже никто не чувствовалъ. Оставленный нами наканунѣ слѣдъ показавъ, что мы, благодаря туману, сильно повернули на югъ и подошли къ основанію западной вершины Казбека. На этотъ разъ мы держались юго-восточнаго направленія, но, дойдя до соединенія основаній обѣихъ вершинъ, повернули на востокъ и стали подниматься къ перевалу между вершинами Казбека. Скоро покатошь сдѣлалась настолько крута, что намъ пришлось рубить ступени, и мы не переставали дѣлать ихъ до самой вершины, а встрѣчавшіяся снѣговья террасы заставляли насъ дѣлать большіе зигзаги и уклоняться все болѣе и болѣе къ западу. Жажда, между тѣмъ, все усиливалась; казакъ Лапкинъ, кромѣ того, сталъ чувствовать сильное головокруженіе, а черезъ нѣкоторое время у осетина Царахова полилась изъ носа кровь, которую едва удалось остановить снѣгомъ; послѣ этого онъ не хотѣлъ идти далѣе; я посоветовалъ ему вернуться къ мѣсту нашего ночлега, а самъ съ казакомъ пошелъ въ дальнѣйшій путь, но, сдѣлавъ саженьей 30, я оглянулся на моего осетина, въ полной увѣренности, что увижу его идущимъ внизъ; къ моему удивленію, я замѣтилъ, что онъ лѣзетъ вслѣдъ за нами; я рѣшилъ обождать его, и потомъ мы опять втроемъ продолжали путь. Покатошь становилась все круче, и я съ безпокойствомъ сталъ оглядываться на казака, по лицу котораго было видно, что ему дѣлается все хуже и хуже—къ головокруженію прибавилась лихорадка, ко-

торая трасла его немилосердно, заставляя сильно стучать зубами. Наконецъ, онъ остановился и объявилъ мнѣ, что дальше идти не можетъ, потому что въ глазахъ темнѣеть и ноги не повинутся. Отпустивъ его назадъ, я сталъ слѣдить за нимъ, пока онъ не выбрался на равнину, по которой и побѣжалъ; а я съ осетиномъ пошелъ дальше и, послѣ разныхъ препятствій, въ 12½ час. дня достигъ середины хребта, идущаго отъ западной вершины къ перевалу; при спускѣ по этому хребту, я нашелъ флагъ, поставленный Бимъ-Булатомъ Тулатовымъ. На перевалѣ я рѣшилъ отдохнуть. Перевалъ этотъ представляетъ площадку длиною по направленію хребта саженой 30 и поперекъ хребта саженой 50. Здѣсь опять у осетина пошла кровь, которую на этотъ разъ было труднѣе остановить. Послѣ этого я сталъ любоваться открывавшимся отсюда видомъ; было совершенно ясно и такая тишина, которая выражалась не отсутствіемъ шума, а какъ-бы существовала сама по себѣ; ничто здѣсь не напоминало о жизни, и вся земля, на сколько было ея видно, казалась какъ-бы вымершей; но вдругъ я замѣтилъ летящую надъ нами красную бабочку. Это такъ насъ поразило, что мы не вѣрили своимъ глазамъ; бабочка, между тѣмъ, летѣла и, какъ-бы играя въ воздухѣ, то поднималась, то опускалась; мы слѣдили за ней, пока она не скрылась изъ виду. Черезъ пять минутъ въ томъ-же направленіи пролетѣла и другая бабочка, а черезъ десять еще одна, съ сѣвера на югъ. Въ половинѣ второго мы подошли къ основанію восточной вершины, которая возвышалась передъ нами почти отвѣсной стѣной. Осетинъ опять сталъ отказываться идти, говоря, что на такую стѣну взобраться нельзя; я посоветовалъ ему ждать меня на перевалѣ, а самъ началъ рубить ступени и подниматься понемногу вверхъ; но не успѣлъ я вырубить и десяти ступеней, какъ осетинъ пошелъ за мной, и мы опять вмѣстѣ стали продолжать путь, который на этотъ разъ шелъ по обледѣлому снѣгу. Потомъ перешли мы на скалы, среди которыхъ также попадался ледъ; выбравшись изъ скалъ, мы очутились опять на снѣгу, и тутъ, немного отдохнувъ, двинулись въ путь и, наконецъ, ровно въ 4 часа пополудня мы достигли самой высшей точки Казбека. Это было 29-го іюля.

Высота Казбека 16546 ф. Величественный видъ, открывающійся отсюда, не поддается описанію. Меня поразила фигура вершины, которая всегда казалась мнѣ шапкой; теперь-же я видѣлъ передъ собою дугу, острую по всей своей длинѣ и на протяженіи

35-ти шаговъ не имѣющую никакого паденія; очевидно, что тутъ былъ когда-то кратеръ, сторона котораго, обращенная на югъ, провалилась. Ниже дуги по направленію къ востоку есть плечо, образующее довольно большую площадку, которая закрывала отъ меня теперь станцію Казбекъ и которую оттуда принимаютъ за вершину.

Такъ какъ я слышалъ, что въ концѣ іюня на этой-же вершинѣ былъ англичанинъ Волей, то, осмотрѣвъ поверхность снѣга и не найдя никакихъ знаковъ, которые въ подобныхъ случаяхъ всегда оставляются, я взялъ лопатку и началъ рыть снѣгъ, а осетина заставилъ дѣлать то-же самое штыкомъ, но, изрывъ и прощупавъ на значительной глубинѣ снѣгъ по всей длинѣ вершины, мы все-таки ничего не нашли, что заставило меня усумниться въ справедливости упомянутого слуха. Сдѣлавъ наблюденіе надъ термометромъ, который показывалъ въ это время ($4\frac{1}{4}$ час.)— $3\frac{1}{4}^{\circ}$ Р., я сталъ готовить флагъ, который состоялъ изъ краснаго кумача, длиною 4 аршина и шириною 3 аршина, и изъ дерева, длиною, считая и желѣзный наконечникъ, въ 17 футовъ, который я и водрузилъ посреди дугообразной вершины, воткнувъ рядомъ съ нимъ колышекъ, длиною около 2 фут. Флагъ мой видѣнъ былъ въ бинокль изъ Владикавказа, а изъ ближайшихъ къ Казбеку селеній его видѣли простымъ глазомъ. Полюбовавшись въ послѣдній разъ чудной картиной, мы ровно въ $4\frac{1}{2}$ часа пошли обратно. Теперь мы подвигались впередъ по готовымъ ступенямъ очень быстро, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходилось просто скатываться, притомъ съ такою быстротою, что духъ захватывало; но, выбравшись на фирновое поле, мы снова пошли медленно, такъ какъ голодъ, проведенная безъ сна ночь и неимоверные труды давали себя чувствовать. Въ $7\frac{1}{2}$ часовъ вечера мы были на мѣстѣ второго нашего ночлега, гдѣ насъ ожидалъ казакъ Лапкинъ. Забравъ остальные вещи, я еще разъ оглянулся на Казбекъ, который въ это время весь былъ залитъ лучами заходящаго солнца, а на вершинѣ его гордо развѣвался мой красный флагъ. Глядя на эту картину, я невольно вспомнилъ стихотвореніе Лермонтова «Казбеку», гдѣ, между прочимъ, говорится:

Чалмою бѣлою отъ вѣка
Твой лобъ наморщенный увить
И гордый ропотъ человѣка
Твой гордый сонъ не возмутить.

Теперь-же не только былъ возмущенъ его гордый сонъ, но и чалма была украшена султаномъ въ видѣ краснаго флага. Спустившись къ тому мѣсту, гдѣ оставался казакъ Потаповъ, мы въ первый разъ послѣ двухъ дней встрѣтили воду, которой и стали утолять не перестававшую ни на минуту мучить насъ жажду, но чѣмъ болѣе мы пили, тѣмъ болѣе хотѣлось пить; однако, вода придавала намъ нѣсколько силы, и мы, выбравшись на скалы, быстро пошли впередъ. Солнце въ это время закатилось и наступившая вслѣдъ за этимъ темнота заставила насъ остановиться и подумать о ночлегѣ. Мы стали осматриваться кругомъ, ища мѣста, гдѣ можно было-бы прилечь, но, кромѣ льду и острыхъ скалъ, ничего не было видно. Тогда, снявъ съ себя совершенно размокшую обувь и поджавъ подъ себя ноги, мы въ сидячемъ положеніи провели всю ночь; это была самая мучительная ночь. Хотя здѣсь морозъ былъ меньше, но зато и негдѣ было походить, чтобы согрѣться. На разсвѣтѣ термометръ показывалъ—2° Р. Обувь наша замерзла и мы едва натянули ее на ноги. Скалы, по которымъ намъ теперь пришлось идти, совершенно обледенѣли и мы почти на каждомъ шагу скользили и падали. Въ 10 часовъ утра мы достигли мѣста перваго нашего ночлега, гдѣ и нашли наши бурки и окло фунта хлѣба изъ оставленной нами здѣсь провизіи, которую съѣлъ вернувшійся раньше казакъ; послѣдній объяснилъ потомъ, что онъ съѣлъ все потому, что, во-первыхъ, хотѣлъ кушать, а во-вторыхъ, что не надѣялся, чтобы мы могли вернуться, а слѣдовательно, не для кого было и оставлять провизію. Несмотря на то, что мы уже двое сутокъ ничего не ѣли, у насъ не было никакого аппетита и мы кое-какъ съ водой съѣли этотъ кусокъ хлѣба. Забравъ бурки, мы снова отправились въ путь и въ 11¹/₂ часовъ спустились на ледникъ Майли. Тутъ мы опять, какъ и прежде, встрѣтили безчисленное множество журчавшихъ на разные лады ручьевъ, шумъ которыхъ, сливаясь въ общій гулъ, производилъ волшебную гармонию. Въ разстояніи одной версты отъ горячихъ источниковъ насъ окуталъ туманъ. Въ это время мы находились среди ледяныхъ холмовъ; вдали былъ слышенъ шумъ водопада, напоминавшій собою отдаленный шумъ моря, и эта картина живо напомнила мнѣ полярныя страны, съ которыми я, впрочемъ, знакомъ только по описанію. Вдругъ подулъ легкій вѣтерокъ; туманъ быстро поднялся, и началъ накрапывать дождикъ; въ это время мы увидѣли горячіе источники и толпу людей, которые, очевидно, уже насъ за-

мѣтили. По мѣрѣ нашего приближенія къ источникамъ, толпа все увеличивалась, и когда мы, наконецъ, спустились къ горячимъ водамъ, то всѣ лѣжившіеся здѣсь собрались у крайней землянки и ожидали насъ; они, какъ потомъ оказалось, узнавши отъ вернушагося казака о нашемъ положеніи, считали насъ погибшими и теперь встрѣчали какъ выходцевъ съ того свѣта. Ровно въ 2 часа мы достигли горячихъ источниковъ. Тутъ-же я встрѣтилъ случайно пріѣхавшаго сюда доктора М. М. Д., который, оказывается, собирался уже уѣзжать и извѣстить кого слѣдуетъ о нашей гибели. Доктора поразили наши лица, которыя онъ нашелъ совершенно черными, какъ-бы обожженными, что онъ и объяснилъ сильнымъ приливомъ крови, вслѣдствіе разряженнаго воздуха, къ наружнымъ покровамъ тѣла. Черезъ полчаса докторъ Д. уѣхалъ, а я остался на горячихъ источникахъ. Дождь между тѣмъ все усиливался и, наконецъ, превратился въ настоящій ливень, который съ страшной грозой продолжался болѣе двухъ часовъ. Когда-же, на другой день, мнѣ пришлось проѣзжать чрезъ селенія Тмени-тау, Кани и Саниба, то я замѣтилъ слѣды страшнаго разрушенія, произведеннаго ливнемъ: хлѣбъ, созрѣвавшій уже, былъ снесенъ вмѣстѣ съ почвой, нѣсколько саклей размыто, мосты снесены и всѣ мельницы разрушены. Проѣзжая чрезъ селеніе Саниба, я встрѣтилъ на площади толпу осетинъ, одинъ изъ которыхъ, указывая мнѣ на картину разрушенія, сказалъ: «вотъ во всемъ этомъ виноватъ ты; ты поднялся на Казбекъ, а насъ Богъ наказалъ за это». Видно было по всему, что и вся толпа согласна съ ораторомъ. Я хотѣлъ было разувѣрить ихъ въ этомъ, но, зная изъ опыта, что это ни къ чему не приведетъ, я только могъ въ утѣшеніе имъ сказать, что еслибы зналъ, что мое восхожденіе будетъ имѣть такія печальныя послѣдствія, то я-бы не пошелъ на Казбекъ. Въ заключеніе я долженъ рассказать осетинскую легенду, которая разъяснитъ, почему осетины считаютъ меня виновникомъ своего несчастья. Вотъ содержаніе ея:

«Когда Господь рѣшилъ послать на землю Иисуса Христа, то Онъ не могъ найти мѣста на всей землѣ, которое не было-бы осквернено грѣшной ногой человѣка, кромѣ вершины Казбека; здѣсь Онъ и помѣстилъ младенца Христа, положивъ Его въ золотую колыбель; тутъ-же Онъ помѣстилъ голубя и золоторогаго барана; голубь долженъ былъ качать колыбель и ворковать надъ младенцемъ, а баранъ своимъ бленіемъ забавлять Его; а чтобы голубь и баранъ не умерли отъ голода, Онъ насыпалъ тамъ большую кучу пшени-

цы. Затѣмъ Иисусъ Христосъ выросъ, сошелъ на землю, совершилъ извѣстныя намъ дѣянiя и вознесся на небо; но, въ воспоминанiе пребыванiя Его на Казбекѣ, Господь навсегда оставилъ тамъ колыбель, голубя и барана; по-прежнему голубь качаетъ колыбель и воркуетъ надъ ней, а по вечерамъ слышится бляенiе барана, и по-прежнему они питаются той-же пшеницей, которая никогда не уменьшается». Вотъ потому-то осетины и говорили мнѣ, что Богъ никого не допускаетъ на вершину Казбека, что многiе пытались взойти туда,—между ними были англичане, французы, нѣмцы и осетины,—но никому это не удавалось. Однихъ Богъ ослѣплялъ, другихъ вихремъ сносилъ въ пропасть, а третьихъ погребалъ подъ снѣгомъ. Теперь они говорятъ: одному русскому удалось взойти на вершину Казбека, откуда онъ взялъ съ собою золотую колыбель, за что Богъ и наказалъ ближайшихъ жителей тѣмъ, что послалъ имъ ливень».

Пѣшая прогулка Н. Г. Дмитрiева въ Сванетiю.

Во 2-ой половинѣ iюня 1889 года компанiя изъ 4-хъ педагоговъ съ тремя учащимися юношами предприняла пѣшую прогулку въ одинъ изъ глухихъ уголковъ нашего края, въ такъ-называемую Вольную Сванетiю. Въ предъидущемъ году эта компанiя, почти въ томъ-же составѣ, путешествовала по Осети. Прогулка въ Сванетiю длилась съ 18-го iюня по 4-е iюля. «Цѣлью прогулки было полюбоваться дивною панорамою Главнаго Кавказскаго хребта съ высоты Латпарскаго перевала (9200') и познакомиться непосредственно, а не изъ книжекъ и описанiй путешественниковъ, со сванетами, ихъ образомъ жизни, правами, обычаями, жилищами, одеждою и т. д.».

Н. Г. Дмитрiевъ, преподаватель въ Закавказской учительской семинарiи въ Гори, затѣявшiй означенную прогулку, прислалъ въ Распорядительный Комитетъ Кавказскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества для рассмотрѣнiя свою «Пѣшую прогулку въ Сванетiю». Комитетъ, рассмотрѣвъ эту монографiю, высказалъ, что весьма желательно было-бы, чтобы подобныя прогулки совершались почаще въ краѣ, и поэтому пашелъ, что весьма полезно было-бы помѣстить монографiю Н. Г. Дмитрiева въ распространенномъ и хорошо редактируемомъ мѣстномъ печатномъ органѣ. Въ виду этого, правитель дѣлъ нашего Отдѣла, по полученiи отъ Н. Г. Дмитрiева согласiя, обратился съ просьбою въ редакцiю «Новаго Обзорѣнiя» помѣстить въ этой газетѣ вышеозначенную монографiю. Она и была отпечатана цѣликомъ въ №№ 2232, 2235, 2237